

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Я убью

тебя,

любимая

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 1994 году

В оформлении обложки использован рисунок
художника *Валерия Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Я убью тебя, любимая / Николай
Леонов, Алексей Макеев. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 320 с. —
(Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-94280-0

Николай Рукатов — чиновник очень высокого ранга. По роду своей службы он «ворочает» миллиардными инвестициями, решает судьбы крупных региональных проектов в масштабах страны. Каково положение, таков и доход. Многие хотели бы погреть руки на капитале Рукатова. Но как подобраться к этим деньгам? Самый верный способ — через родных чиновника. И вот у его жены Надежды появляется молодой любовник, а про падчерицу Ирину вдруг «вспоминает» родной отец. Неожиданно обе женщины исчезают. Не на шутку перепуганный функционер бьет тревогу и обращается в полицию. Сыщики МУРа Гуров и Крячко спешат с поисками, прекрасно понимая, что пропавшим грозит смерть, потому что в такой игре человеческая жизнь ничего не стоит.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А., 2017

© Оформление.

ISBN 978-5-699-94280-0

ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

Николай Иванович Рукатов сидел перед остывающей чашкой кофе и бессмысленно крутил в руках ложечку. Кофе по вечерам он не любил. Тем более после тяжелого рабочего дня. Хотелось выпить коньяку, но тогда жена снова заведет свои излюбленные воспитательные разговоры, а дочь отвернется и будет демонстративно смотреть в сторону. Тягостная обстановка прощания. Скорее бы уж они шли к терминалу посадки.

Надежда Рукатова для своих сорока пяти лет выглядела просто изумительно. Гладкая кожа, стройная фигура, быстрые карие глаза заставляли мужчин оборачиваться на нее. И даже сейчас, без макияжа, одетая без обычного шика, чтобы удобнее было в самолете, жена выглядела обворожительно и очень женственно. Короткие непослушные волосы она поправляла элегантно взмахом тонкой руки и при этом успевала бросить взгляд на окружающих — оценил ли кто этот изящный жест, любитесь ли ею украдкой какой-нибудь мужчина. А лучше — сразу несколько.

Дочь Ирина была очень похожа на мать, только по характеру она более замкнутая. Отношения у Николая Ивановича с Ириной не ладились. Началось все еще в ее подростковом возрасте, а потом как-то стали привычными и разногласия, и раздражение, и молчание. Долгое, тягостное, которое могло тянуться часами, когда они вдвоем находились в одном помещении. Но, к счастью, Ирина предпочитала закрываться в своей комнате, а ужинать в то время, когда бывала дома в одиночестве.

Немного спокойнее и не так тягостно стало в доме Рукатовых после того, как Ирина начала обучение в Лондоне. Кажется, даже короткие диалоги с отцом стали приобретать большую душевность и тепло. Хотя это Николаю Ивановичу могло только казаться. Он скучал по девочке, привычная тоска по хорошим отношениям с ней не отпускала, а может, наоборот, приобретала болезненные формы с возрастом.

— Ты не хмурься, Коленька, — ласково посмотрела на мужа Надежда Владимировна и легко провела пальчиками по его руке, лежавшей на столике. — Я буду писать тебе часто-часто. Там же почти в каждом кафе есть Wi-Fi. И буду слать тебе сообщения и фотки по Интернету.

■ — Осторожнее там со слонами, — пошу-

тил Рукатов, и его каменно-напряженное лицо слегка расслабилось.

— Они теплые, Коля, — расплылась супруга в улыбке. — Ты даже не представляешь, как приятно вставать слону на спину босой ногой.

— Хватит уже мотаться там по экскурсиям, — недовольно пробормотал Рукатов. — Сто раз уже видели все. Валялись бы на пляже или около бассейна, ели экзотические фрукты.

— Мы же отправляемся на экскурсии не потому, что не видели в Таиланде или Камбодже еще каких-то интересных вещей, и не потому, что там появились новые достопримечательности. Это сама атмосфера, дух страны, ее национальный колорит. Своеобразнее народа я еще не видела в своей жизни.

— Съезди в Южную Америку, купи путевку в деревню племени Огненных Муравьев, — буркнул Рукатов.

— Что бы нас там сожрали? — хмыкнула Ирина.

— Ладно, Коля, ты езжай, — предложила жена. — Нам еще долго тут, а ты устал после работы.

— Ладно. — Рукатов отодвинул так и не тронутую чашку с кофе и поднялся. — Отдыхайте, девочки, развлекайтесь. Легкого вам

перелета без дебоширов, хорошей погоды на курорте.

Он наклонился, поцеловал жену в щеку, подошел к дочери, которая так и не подняла на него лица. Чуть помедлив, поцеловал Ирину в темя и, помахав рукой, двинулся к эскалатору. На глаза попало табло с наименованием рейсов. SU272, вылет 21.10. Да, подумал Николай Иванович, еще два часа им сидеть в аэропорту, и от этой мысли ему вдруг захотелось скорее попасть домой. Прийти, бросить ключи на столик, разуться, прошлепать босыми, натруженными за день ногами по прохладному полу в комнату, раздеться, взять из холодильника бутылочку пива, вытянуть ноги на диване перед телевизором и смотреть бездумно на экран, потягивая холодное пиво. Отрешиться вообще от всего мира.

Зазвонивший мобильный телефон вернул его снова в окружающий мир.

— Да, — недовольно ответил он, выходя через послушно разъехавшиеся стеклянные двери терминала.

— Николай Иванович, — быстро заговорил мужской голос в трубке. — Надо что-то срочно решать с этой областью.

— Мы же все уже решили? — насторожился Рукатов.

— Не знаю, может, губернатор вышел на кого-то мимо нас в Москве. Короче, они

пошли на попятную и не пускают инвестора без отката. А инвестор пошел на принцип, отказывается платить в два кармана. Говорит, что есть и другие области, где имеются условия для размещения энергоемкого производства. Надо включать «тяжелую артиллерию» и додавить местного губернатора. Этот проект у нас в плане стоит.

— Нет, не так, — поморщился Николай Иванович. — Дай мне денек-другой подумать. Тут не давлением решать надо. Я найду им другого инвестора и весь откат отдам в местный карман. Пусть подавятся. А завод надо размещать именно у них.

— Другой кусок предложить? — с сомнением спросил голос. — Ладно, тебе видней.

Гуров сидел в шестом ряду между Орловым и Крячко. Вчера вечером генерал позвал их к себе, грозно посмотрел на старых друзей, потом как-то сник, грустно улыбнулся и стал таким, каким его никто из подчиненных никогда не видел, разве что только старые друзья.

— Ребята, — обнял оперативников за плечи Орлов и подтолкнул к угловому дивану у окна. — У вас совесть есть?

— Ясно, — засмеялся Крячко. — Укатали сивку крутые горки. Надо сейчас собраться и всем вместе поехать...

— Ой, Станислав, — запротестовал Орлов, — не начинай! Чревоугодие еще никогда не врачевало душевные раны и душевную усталость.

— Теперь камушек в мой огород, — кивнул Гуров, усаживаясь и закидывая ногу на ногу. — Каюсь. Завтра премьеры, все приглашены, особо привередливым Мария позвонит сама.

— Вот, — удовлетворенно улыбнулся генерал и назидательно поднял перед сыщиками указательный палец. — Искусство, а не алкоголь разбавит усталость в мужской душе. Только чувство прекрасного, а не горького.

— Правда, ребята, — согласился Крячко и сразу стал серьезным. — Давно мы не собирались вместе. Так же нельзя. Работа ухайдакает так нас основательно. Давайте завтра махнем вечером в театр, купим Маше цветов, ввалимся после окончания в гримерку. Шумно, в погонах, при наградах.

— Шпоры не забудь надеть, — посоветовал Гуров.

— Вот ради такого случая не поленюсь договориться с конной полицией, — завелся Крячко и вдруг замер с широко раскрытыми глазами: — Слушайте! А ведь это идея! Трое, верхом, в парадной для строя... и с цветами. ■ Начищенные до блеска сапоги...

— Все, развеселил, — махнув рукой, остановил его Орлов. — Ну вот и договорились. Значит, завтра идем в театр, а в субботу собираемся у меня за городом. Выпьем, поговорим, зажарим чего-нибудь. Женщины пусть сами по себе щебечут, а мы... по-свойски.

Сейчас Гуров сидел и вспоминал, что как раз за два часа до начала спектакля все чуть было не сорвалось — Орлова неожиданно вызвали к заместителю министра, а у Крячко сломалась машина за МКАДом. И все-таки друзья успели. За минуту до первого звонка, но успели. Гуров обрадовался, что не стал ничего говорить Маше, и сейчас сидел и смотрел на сцену, физически ощущая, что Станислав Крячко и Петр Орлов расслабились, увлеклись действием, происходящим на сцене. Ну вот и славно, подумал он, смена обстановки — самый лучший способ отдыха.

Занавес, антракт, загорелись светильники. Лев с улыбкой наблюдал, как его друзья расслабленно посматривают по сторонам, как им не хочется даже встать из удобных кресел. Крячко проводил взглядом зрелую даму в вечернем платье и пробормотал вялым голосом без всякого энтузиазма:

— Помнится, раньше в буфете подавали пиво.

— Пива хочешь? — хмыкнул Орлов. — Театрал-эстет.

— Нет, я не настаиваю, — оживился Станислав возможности побалагурить. — Но должна же быть свобода выбора?

— Петр, — незаметно толкнул Орлова плечом Гуров. — Смотри, вон двое тебе машут. Знаешь их?

— Твою ж в душу, — проворчал генерал, потом сделал радушное лицо и, поднявшись, начал пробираться по ряду к выходу.

— Кто это? — тут же насторожился Крячко. — Нет, не наши. Не из МВД.

Орлов исчез до конца последнего акта, но когда друзья собрались идти поздравлять Марию с премьерой, снова появился.

— Извините, ребята! Должность у меня такая. Представительская. Всех я должен знать, со всеми поддерживать хорошие отношения. И не зависит от того, носит человек форму или нет. И деловые круги, и силовики, и кого только нет в перечне моих обязательных встреч.

— Вот почему Гуров не хочет становиться генералом, — понимающе покивал головой Крячко.

— Вам легче, вы можете оставаться просто сыщиками, а я уже не могу.

— Но кто-то же должен нам создавать условия для нормальной работы, — принимая административный удар на себя, улыбнулся Гуров. — Все, хватит ныть! Пошли поздрав-

лять. Мы же решили сегодня отрешиться от службы!

— Я ною? — засмеялся Орлов. — Да если бы не я, вы бы все...

Время перевалило за полночь и замерло. Гуров сидел рядом с женой на заднем сиденье такси и смотрел на проносившиеся мимо улицы. Не замерло только движение на дорогах, но оно в Москве не замирает почти никогда. А вот свет в окнах домов стал гаснуть, меньше стало прохожих на тротуарах. Город опускался в полусон.

Маша рядом зашелестела букетом цветов. Она всегда забирала из театра домой самый красивый букет или тот, который дарил ей муж. Остальные оставляла в театре, но чаще раздаривала подругам и молодым актрисам. Девушки смущались, но им было лестно, что сама Мария Строева передает им свои букеты как признание их актерского мастерства, их таланта, удачно сыгранной роли. Мария Строева это умела — создавать вокруг себя атмосферу позитива.

— Лева, сколько мы с тобой уже просто так не гуляли по городу? — тихо спросила Маша.

Гуров повернул голову и удивленно посмотрел на жену. Глаза ее сделались задумчивыми и печальными, как перед долгой разлукой.

Он обнял Машу за плечи, притянул к себе, и она, благодарно ткнувшись ему головой в подбородок, сказала «мур».

— Хочешь, мы сейчас погуляем? — предложил Лев. — Представляешь, долгий-долгий рабочий день позади, наступил поздний вечер, и нам абсолютно некуда спешить. Никто нас нигде не ждет, и мы предоставлены сами себе. Можем гулять сколько хотим.

— А кто из нас должен быть романтиком? — тихо улыбнулась Маша. — Ты, полковник, или я, актриса?

— Если бы я не был романтиком, я бы на тебе не женился.

— А каким романтиком надо быть мне, чтобы выйти замуж за полковника полиции, который целыми днями возится с уголовниками? — Маша подняла глаза на мужа и добавила: — Пошли. Правда, хочется просто пройтись.

Они остановили такси и пошли по ночной улице, глядя на огни рекламы, на яркие витрины магазинов. Маша просунула руку Гурову под локоть и повисла на нем совсем как тогда, когда они еще не были мужем и женой, но уже... проводили вместе вечера. Лев вдруг хитро посмотрел на Машу и потянул ее в подземный переход.

— Неужели целоваться? — тихо засмеялась она.

Гуров прижал ее к стене прямо на ступенях и поцеловал в губы. Оторвавшись от них, посмотрел ей в глаза и прошептал:

— И не только. Я же помню, что последний раз ты ела черт знает когда.

Он потянул ее в подземный переход, откуда они вышли к вокзалу. Найдя маленькое пустое кафе на первом этаже, Гуров усадил Машу за угловой столик и принес две чашки ароматного чая с лимоном и бутерброды. Они сидели, пили чай и шептались, низко склоняясь друг к другу головами. Редкие посетители, встречающие поздние поезда, или пассажиры, ожидающие посадки, заходили, брали чай, булочки, выпивали и уходили.

— Мы с тобой как влюбленные на свидании, — засмеялась Маша, покосившись на продавщицу.

Гуров посмотрел на жену и подумал о том, что давно не видел у нее таких спокойных глаз. Глаз, в которых было вот такое спокойное счастье.

— Знаешь, о чем я сейчас подумала? — Маша продолжала крутить в тонких пальцах пустую чашку. — Мир становится таким простым и понятным, когда два человека могут вот так позволить себе побыть вдвоем, когда им комфортно вдвоем. Когда этот мир остается за дверью квартиры, стоит им только вернуться к себе домой.